

Трапеза как предмет социологического исследования

Аннотация

Статья Г.Зиммеля “Социология трапезы” открывает в социологии направление, связанное с изучением конкретных исторических форм проявления социальнойности. Ее идеи позволили Н.Элиасу на основании механизма изменения форм поведения за столом проследить социально-генетические аспекты процесса цивилизации.

*Совместная трапеза является мощным средством формирования группы. Такие понятия, как гильдия и цех, обозначающие купеческие и ремесленные объединения, происходят от древнеисландского *gildi* и немецкого *Zeche*, обозначавших первоначально “пир” и “попойка”.*

Трапеза как форма общения сыграла большую роль в формировании гражданской публичности. Благодаря салонам, кофейням и застольным товариществам в XVIII веке формируются институты гражданского общества. Они становятся центрами сначала литературной, а потом и политической критики.

Ключевые слова: социология трапезы, социология общения, формы публичности, потребление

Учитывая некоторую экзотичность предложенной темы для отечественной социологии, отмечу, что трапеза как исторически обусловленная форма общения изначально интересовала социологию. В работах М.Вебера, посвященных социологии религии, в которых он исследует магически обусловленные запреты определенной пищи, можно найти рассуждения о *сообществе трапезы*, которое он определял как очень важный источник института сообщества.

В статье “Социология трапезы” (1910), текст которой приводится ниже, Г.Зиммель продолжает размышлять на свою любимую тему: как возможно общество. Это небольшое эссе дополняет некоторые идеи его социологической теории. Статья “Социология трапезы” появилась в том же году, что и знаменитая “Социология общения”, и является своеобразным комментарием к ней. Поэтому рассмотрим эти две работы в их взаимном отражении друг в друге.

Зиммель выступил на социологическом поприще в качестве представителя так называемой формальной школы в социологии, озабоченной поиском априорных условий социальности. Отдельный индивид противостоит социальному, исторические формы которого раскрываются в процессе обобществления. Представлялось, что изначально существует некий несоциализированный индивид — носитель целого комплекса влечений (эротических инстинктов, делового интереса, религиозных импульсов), не социализированный в силу своей зависимости от естественного существования, но подталкиваемый необходимостью удовлетворять свои желания к взаимодействию с другими индивидами. Над его влечениями, интересами, целями, стремлениями, психическими состояниями постепенно выстраиваются различные формы социального взаимодействия, которые и должны, по Зиммелю, составлять главный предмет социологии.

Социологу рубежа XIX–XX веков трудно было отказаться от мысли, что общество состоит из индивидов, что до общества существовал некий анархический индивид, наделенный грубым инстинктом, неуправляемым желанием, над которым в процессе цивилизации надстраивается некая культурная форма, что в социальном анализе следует исходить из индивидуального эгоизма, “натуралистического индивида”, натурализм которого преодолевается в процессе цивилизации. Индивид остается главным элементом, из которых складывается общество; таков индивид и в “Социологии трапезы”, наделенный примитивной физиологией и эгоизмом.

***Общество вообще — это общение:
“свободно парящая взаимная связь индивидов”***

Общество для Зиммеля — это одновременно и состояние, и идеал. Как идеал общество для него выступает, когда он начинает рассуждать о “чистой форме”, игре форм. Общество как идеал возникает тогда, когда в социальном институте редуцируются все материальные, практические интересы, которые, как это ни парадоксально, и привели к его образованию, к тому состоянию, когда отсутствует “всякое давление”.

Поэтому общество для Зиммеля — это не процесс производства материальных и культурных благ, это не история классово-борьбы, а взаимосвязь общающихся. “Ведь лишь общающиеся представляют собой “общество вообще” без всяких давлений, ибо они являют собой чистую, принципиально отъединенную от всяких особенных содержаний форму всех односторонне характеризующих “обществ”, воплощают общество в некоей словно бы абстрактной картине, разрешающей все содержание в чистой игре форм” [Зиммель, 1996: с. 489].

Для Зиммеля обобществление как форма взаимодействия обладает некоторой самостоятельностью и может приобрести независимость от моти-

вов и интересов, которые ее создали. Это означает, что некоторый социальный институт, созданный для удовлетворения социальной потребности, начинает жить самостоятельной жизнью, предав забвению те силы и отношения, которые его создали. Другой мыслитель, а не Зиммель, увидел бы в такой независимости формы института яркое проявление процесса отчуждения, поскольку форма перестает отвечать мотивам и интересам, которые ее создали, и подверг бы такую ситуацию критике. Однако для Зиммеля самостоятельность формы служит своеобразным идеалом социального развития, символом культуры и цивилизации. У Зиммеля понятие “самостоятельность формы” очень близко к понятию игры. Высказанная Ф.Шиллером идея игры как высшей формы культуры продолжает свое развитие в социологической концепции Зиммеля. Позднее свое наиболее емкое художественное воплощение она получит в романе Г.Гессе “Игра в бисер”.

“И вот эти формы получают собственную жизнь, начинают существовать в отрыве от своих корней в содержании ради самих себя и ради обаяния, излучаемого ими в этой оторванности. Это и есть явление общения” [Зиммель, 1996: с. 489].

Для Зиммеля чистый процесс обобществления нечто ценное и желаемое. “Ибо форма есть взаимодействие элементов, благодаря которому они и образуют единство, и если отпадут конкретные жизненно целесообразные мотивации общения, тем большую силу и действенность будет иметь чистая форма, так сказать, свободно парящая, внутренне действующая взаимная связь индивидов” [Зиммель, 1996: с. 489].

Логика анализа феномена трапезы развивается из его концепции чистых форм. Для Зиммеля как социолога трапеза интересна, поскольку дает возможность реализоваться такой форме взаимодействия, как разговор, а разговор — это уже форма общения. История трапезы — это эволюция процесса обобществления, приобретающего различные культурные формы.

В процессе трапезы преодолевается эгоистический инстинкт, направленный на удовлетворение примитивных потребностей благодаря переходу к чистой коллективности. Образование сообщества происходит тогда, когда трапеза начинает подчиняться определенным нормам. Зиммель исследует различные формы ее регулирования. Первоначальной формой является повторяемость в определенное время, затем появляются правила, непосредственно регулирующие поведение за столом. Это поведение приобретает все более цивилизованный порядок: появляются тарелки, вилки, нормируется порядок приема пищи. В свою очередь этот цивилизующий характер трапезы был замечен Н.Элиасом и сделан предметом его специального исследования, на чем я остановлюсь ниже. Социальной вершиной трапезы является разговор, которым сопровождается застолье.

Застольные разговоры и правила общения

Эволюция трапезы и форм поведения за столом приводит ко все большей индивидуализации, связанной с отделением одного участника трапезы от другого целой системой правил поведения и появлением разнообразных столовых приборов, делающим невозможным коллективное поглощение пищи из одного котла. Однако процесс индивидуализации имеет свои гра-

ницы и сопровождается все большим нормированием поведения за столом. Что же это за индивид, которого мы встречаем за обеденным столом?

Этот индивид, по мнению Зиммеля, выражает свои личностные характеристики, свой опыт, образование, остроумие, умение поддерживать беседу, однако его “особенность” и “исключительность” дозволены ему в определенных пределах.

“Природа общения требует ограничить самовозвеличивание и самолюбование личности; без этого совместное существование невозможно” [Зиммель, 1996: с. 490].

Зиммель предлагает свои правила общения:

- из процесса общения исключаются те черты личности, которыми она обладает в социальной жизни (статус, богатство, ученость, известность, исключительные способности и заслуги);
- в общении следует избегать тем, касающихся личных проблем и разочарований;
- человек в общении выступает своеобразным, не встречающимся в других контекстах феноменом; он вступает в общение со способностями, побуждениями и интересами, свойственными ему как человеку вообще;
- общение разрушается в том случае, когда в нем находят место объективное содержание и цели, или когда выражается абсолютно личностное и субъективное;
- в общении каждый выступает равным другому и наделяется ценностями общения лишь при условии, что остальные точно так же их получают;
- способность к быстрой и легкой смене предмета свойственна разговору—общению по самой его сути.

Однако беседа разрушает себя как общение, если она переходит в серьезный спор. “Мир общения — единственный, где возможна демократия равноправных, — искусственный мир, создаваемый теми, кто хочет реализовать абсолютно чистый, лишенный всякого дебалансирующего материального акцента идеал взаимодействия” [Зиммель, 1996: с. 492]. Ценности общения — радость, легкость, оживленность; общение — это мир, в котором преодолены все тяготы жизни, преодолен нищенский дух тяжести и уныния. Поэтому не случайно Зиммель называет общение игровой формой обобществления.

Редукция субъективного и объективного в разговоре

Общение производит своеобразную редукцию личности, в нем индивид возвращается к своему “естественно-личному бытию”, в котором он освобождается от субъективного содержания и объективной необходимости. Если объективное и привлекается в разговоре, то делается это не ради его содержания, а ради интересов общения. “Пусть не покажется, что содержание общения-разговора несущественно, наоборот, оно должно быть интересным, захватывающим, даже важным, но оно ни в коем случае не является целью разговора, объективный его результат несущественен” [Зиммель, 1996: с. 496].

В заключении Зиммель делает следующий парадоксальный вывод: оказывается, “человек в общении есть не столько личность, в ее естественной

полноте, сколько личность, созданная стилизацией и оговорками (*die Reserve*) [Зиммель, 1996: с. 492]. В немецком тексте слово “*die Reserve*” имеет также значение “сдерживание”. На наш взгляд, лексема “сдерживание” более точно выражает ограничение личностных качеств индивида в процессе общения, чем “оговорки”.

Итак, в общении участвует *личность, созданная стилизацией и сдерживанием*.

Следует отметить, что основные черты, приписываемые Зиммелем разговору-общению, почти повторяют правила поведения в аристократических салонах. Так, в одном из руководств по этикету, распространенных в русском высшем обществе XIX века, можно прочесть следующее:

“Да, но о чем же собственно следует разговаривать в многочисленном светском обществе? О всем и о всех, ни о чем слишком долго или пространно, не исчерпывая до конца никакого предмета, не развивая широко ни одной подвернувшейся темы, не доводя никакого вопроса до последнего заключения. Вы должны легко и ловко переходить с предмета на предмет, то ведя разговор, то предоставляя говорить другим, и не давая беседе прерываться, должны находить новый материал для рассуждений, не щеголять исключительно собственным остроумием и знаниями, но представлять также и другим возможность блеснуть своим красноречием, должны поддерживать их, пожалуй, неловкие попытки разговора, покрывать их маленькие промахи, чтобы они к концу общей беседы были довольны собою и нашли, что ни с кем нельзя так весело болтать, как с вами” [Лаврентьева, 2007: с. 221].

В данном отрывке анонимного автора затронуты почти все положения зиммелевской концепции разговора как высшей формы общения. Социологический текст неожиданно оказывается пособием по правилам поведения в высшем свете.

Поведение за столом в цивилизационной концепции Н.Элиаса

Для немецкого социолога Норберта Элиаса процесс цивилизации — это не победоносное шествие техники, не демократические измерения политической системы общества, а прежде всего изменение структуры человеческих аффектов.

Структура аффектов складывается из цепочки желание — контроль — мышечное движение, ее изменение связано с ростом фазы контроля, когда мышечная реакция не является простым продолжением желания, а ей предшествует значительная доля рефлексии.

Аффекты сопутствуют различным формам человеческой деятельности, можно их изучать и во время поведения человека за столом.

Чтобы разобраться в аффектах людей, которые уже давно стали достоянием истории, следует обратить внимание на книги о манерах, которые дают возможность проследить историческую последовательность изменений способов поведения, “аффективных состояний”, — “сдвиг порога чувствительности”.

Несмотря на небольшое литературное значение книг о манерах и правилах застолья, они, тем не менее, позволяют оценить ожидаемое поведение в обществе, учесть изменение правил, общественные запреты и табу.

Во времена Эразма Роттердамского появляется целая серия книг, посвященных правилам поведения, хорошим манерам. О хороших манерах пишут не просто третьеразрядные писатели, а люди уникальной одаренности и большой известности — Эразм Роттердамский, Бальдасаре Кастильоне, Джованни Делла Каза. Почему такие книги становятся актуальными и их написанием занимаются выдающиеся писатели?

Для Н.Элиаса ответ заключается в изменении конфигурации власти. Власть в определенном смысле деперсонализировалась, модифицировалась, перестала выступать в голой форме принуждения. Оказывается, определенного результата можно добиться не бряцанием оружия, а путем проявления определенных манер, куртуазности.

Поведение за столом — казалось бы, маргинальная для социологии тема — делается у Элиаса предметом детального анализа. Стандарты поведения за столом отражают целый слой социально закреплённых форм поведения, которые соответствуют совершенно определенной социальной структуре.

Совместные трапезы на разных этапах человеческой истории занимали значительное место в жизни различных социальных групп. “В это время предписания, касающиеся поведения за едой, играли особую роль. Еда и питье еще занимали центральное место в общественной жизни; часто, хотя и не всегда, они были фоном беседы и совместных развлечений или служили их началом” [Элиас, 2001: с. 120].

В истории культуры существует множество форм общественного поведения людей: праздник, религиозная служба, научный диспут, работа, игра и др. Одни из этих форм ритуализированы, другие подчинены определенной необходимости, осуществляются вокруг определенного материального субстрата. Однако заметную роль в культуре начинают играть формы, которые не связаны непосредственно с производством материальных и культурных благ — скорее с их потреблением.

Элиас следующим образом описывает стандартную технику еды Средневековья: “В домах богатых еду обычно приносили с буфетного столика, часто без определенной последовательности. Каждый брал то, что ему понравится. Все пользовались одним и тем же блюдом. Мясо брали руками, жидкие кушанья черпаком или ложкой. Но суп или соус еще часто пили через край, поднимая тарелку или блюдо ко рту. Долгое время не было особых приборов для различных кушаний. Пользовались одинаковыми ножами, одинаковыми ложками, пили из одинаковых чаш. Часто на двух обедающих была одна тарелка” [Элиас, 2001: с. 127]. Элиас полагает, что такая форма поведения за столом свидетельствует об определенном уровне эмоциональной жизни, отличающейся от нашей и по структуре, и по характеру. В приведенном примере мы видим, что люди едят вместе скорее всего чтобы удовлетворить свой голод, они не относятся друг к другу как некоторые заинтересованные лица, они не воспринимают трапезу как некоторую форму общения, в которой еда выполняет не только физиологическую, но и символическую функцию, подвергая испытанию суждение вкуса.

В трапезе Элиас видит прежде всего форму поведения за столом. В этом его точка зрения совпадает с идеями Зиммеля. Он формулирует основное положение: “Правила использования приборов меняются вместе со строением общества и изменением в человеческих отношениях” [Элиас, 2001: с. 164]. Исчерпала ли себя эта формула Элиаса о взаимозависимости правил исполь-

зования приборов и строения общества для анализа процесса цивилизации, ведь можно говорить уже об окончательно устоявшихся формах поведения за столом? Хотя мы и не наблюдаем в современном обществе появления новых столовых приборов, однако возникновение заведений быстрого питания превращает трапезу в разновидность машинного производственного процесса и становится символом современного глобализированного мира.

От формы трапезы к ее содержанию

И у Зиммеля, и у Элиаса трапеза рассматривалась исключительно со стороны формы, то есть социологов интересовало изменение способов поведения за столом, то, что потреблялось во время трапезы, оставалось за пределами их внимания.

Развивая идеи Зиммеля о стилизации индивида, участвующего в общении, можно заметить, что стилизации подвергается не только индивид, но и пища, которую он потребляет во время трапезы. Пища превращается в знак и становится носителем культурных значений. Пища не просто жарится или варится, чтобы быть поданной к столу, она еще приобретает дополнительные смыслы, которые возникают из определенного символического кода. Она начинает говорить на своем языке, языке желания, которому следует обучаться, как и любому другому языку. Этот язык обладает способностью будоражить воображение, магически вызывая из небытия поименованные объекты. В художественной литературе первый детский опыт встречи с таким языком ярко описал в своих воспоминаниях немецкий писатель Г.Фаллада (речь идет о подготовке к праздничному обеду): «Собеседницы принимаются с нарастающим азартом, доходя чуть ли не до полного экстаза, обсуждать блюда, — по нерушимой традиции их должно быть семь или девять, сейчас уже точно не помню. (...) Наконец произносятся таинственные слова: арико вер, соус беарнэз, соус кумберленд, суп а-ля рэн, кремор тартар, аспик, — слова, казавшиеся мне волшебнее любой сказки! Когда я слышал выражение “раковые шейки”, — подумать только: шейки раков, есть шейки раков! — я, зажмурившись, представлял себе золотистый соус с красноватыми кружочками жира, черными глазами-бусинками и красными рачьими усами...” [Фаллада, 2005: с. 13]. Кулинарные названия блюд образуют цепь желаний, уходящую в глубину детской фантазии, где “соус беарнэз” приобретает качества героя волшебной сказки.

Кулинарная обработка продуктов превращает процесс трапезы не только в потребление пищи, но и в потребление знаков, несущих определенные социальные смыслы. Согласно Р.Барту, пища — это система коммуникации, собрание образов, свод обычаев, ситуаций и поступков [Барт, 2003: с. 368]. Ее можно представить функциональной единицей некоей коммуникативной системы. В вышеприведенном примере блюда образуют знаки определенной ситуации, они указывают на то, что речь идет о праздничном обеде, с другой стороны, они выражают статус определенной социальной группы, способ ее определения и самоутверждения.

Р.Барт полагает, чтобы построить коммуникативную систему пищи данного общества, необходимо провести опись всех алиментарных фактов (продукты, технические приемы, обычаи), а затем подвергнуть их коммутативной проверке, то есть проследить, приводит ли замена одного факта другим к изменению в значении.

Обращение к темам еды и трапезы как к предмету социологического анализа становится особенно актуальным в наши дни, когда современная культура переживает беспрецедентный интерес к гастрономическим вопросам. Огромными тиражами печатаются издания, посвященные вопросам кулинарии, расцветает новый для нашего общества жанр кулинарной эссеистики. Туризм, мода и кулинария становятся наиболее мощными средствами социальной идентификации.

Изложенные факты заставляют нас по-новому взглянуть на вопросы потребления, попытаться понять, что потребление не означает всего лишь голое уничтожение продукта, но и означает определенную жизненную философию. Традиционно потребление никогда не относилось к сфере смысла, смысл всегда предполагал область созидания, творчества. Однако по поводу гастрономических предпочтений современников Р.Барт заметил, что смысл вырабатывается не в ходе производства пищевых продуктов, а в ходе их переработки и потребления.

Доминирование модели потребления в культуре имеет свои исторические особенности, оно связано с определенным переживанием времени, когда время теряет свою связность, сжимается в ряд эпизодов, каждый из которых должен характеризоваться своей уникальностью и неповторимостью. Осмысленным оказывается такое время, в котором индивид претерпевает разнообразные ощущения, стараясь довести их до предела интенсивности. Время потребления совсем иное, чем время труда и истории. Труд предполагает определенную длительность, сохранение произведенного продукта во времени. Потребление всегда сиюминутно, даже если оно и протекает во времени, то по своему смыслу оно одномоментно. Такое отношение ко времени подготавливалось в европейской культуре эстетикой символизма, который открыл тесное родство красоты со смертью. Это красота прошлого, которого нет, красота увядших цветов, красота любых повреждений, руин. Как отмечает Ж.-П.Сартр, его тема — высшая доблесть потребления, изнурительной болезни, всепожирающей любви и убивающего искусства. Предмет прекрасен, только если его «можно съесть», если он гибнет, когда его употребляют.

Изучение трапезы, начатое классиками социологии, показывает, что в социологии нет «низких» тем, что исследование поведения человека за столом может выступить мощным инструментом социального анализа.

Литература

Барт Р. К психосоциологии современного питания / Барт Р. // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц. С.Н. Зенкина. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — С. 366–377.

Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии / Зиммель Г. // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. — М.: Юристъ, 1996. — С. 486–500.

Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Елена Лаврентьева. — [2-е изд.]. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 663 с.

Фаллада Г. У нас дома в далекие времена: роман / Фаллада Г.; пер. с нем. Н. Бунина. — М.: Б.С.Г. — ПРЕСС, 2005. — С. 13.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Норберт Элиас. — М.; СПб.: Университет. книга, 2001. — 332 с.